

Солнышкин плывёт в Антарктиду

Автор:

Виталий Коржиков

Солнышкин плывёт в Антарктиду

Виталий Титович Коржиков

Мореплавания Солнышкина #2Наша марка (Детская литература)

Эта книга В. Т. Коржикова (1931–2007) – продолжение повести «Весёлое мореплавание Солнышкина».

Теперь пароход «Даёшь!» направляется в Антарктиду, и в пути команду ждут новые приключения. Старый Робинзон наконец осуществит свою мечту – отправится в настоящее плавание, часть которого он проделает на плоту, ведомом акулой. Друг Солнышкина, радист Перчиков, становится вождем маленького острова, а сам Солнышкин открывает новые земли и проходит школу настоящего моряка.

Для среднего школьного возраста.

Виталий Титович Коржиков

Солнышкин плывёт в Антарктиду

© Коржиков В. Т., наследники, 1969

© Оформление. АО «Издательство „Детская литература“», 2017

* * *

В книжке «Весёлое мореплавание Солнышкина» я рассказал, как из далёкой сибирской деревушки к Тихому океану приехал Алёша Солнышкин.

Старый инспектор океанского пароходства Робинзон подарил ему чудесный компас и помог поступить на пароход «Даёшь!» к своему воспитаннику Морякову.

Но Моряков заболел корью. А вместо него на пароход пришёл капитан по прозвищу Плавали-Знаем.

Солнышкина он заставлял ловить дым на трубе, перекачивать море слева направо. Уборщицу Таю выселил из каюты, чтобы поместить там попугая. А со своим приятелем Стёпкой-артельщиком он выбросил радиста Перчикова на необитаемый остров.

Но Перчиков приплыл к пароходу на ките и между делом выручил из беды дельфина. Солнышкин обхитрил Плавали-Знаем и доставил в Океанск дрессированных медведей, которых очень любил боцман Бурун...

Когда книга вышла, многие ребята стали спрашивать: «А где Солнышкин сейчас? Что он делает?»

Я отвечаю всем так, как написано на обложке этой книги:

«Солнышкин плывёт в Антарктиду».

Автор

Каюта для Робинзона

Пароход «Даёшь!» торопился на юг, к жарким тропическим водам. Перед ним вежливо раскланивались медузы, и молодые акулки, сворачивая налево и направо, почтительно уступали ему дорогу.

Над мачтами качалось солнце, ныряло в каюты, и настроение у матроса Солнышкина было самое солнечное. Он усердно мылил стены каюты, в которой совсем недавно обитал драгоценный попугай бравого капитана Плавали-Знаем, и вокруг разлетались радужные мыльные пузыри.

Теперь попугай шатался со своим хозяином по Океанску, а Солнышкин оттирал их следы и слушал доносившуюся с палубы песенку, которую сочинил матрос Федькин:

Шутки и песенки – их багаж;

Полночь, но не до сна им.

Что это, братцы, за экипаж?

Плавали, братцы, знаем!

По Антарктиде грохочет лёд,

Но и во льду – весна им!

Что это, братцы, за пароход?

Плавали, братцы, знаем!

Солнышкин окатывал переборки водой, и по ним золотистыми медузами расплывались солнечные пятна. Он представлял, как внесёт в каюту Тайн чемодан и поставит на прежнее место, как пожилая уборщица всплеснёт руками, а Марина скажет: «Молодец, Солнышкин!»

Солнышкин засмеялся от радости, и его руки забегали ещё быстрее.

Наконец он вытер пол, отжал тряпку, выставил на палубу ведро и постучал к Марине в каюту.

– Да-да, входи, Солнышкин! – отозвалась Марина. И Солнышкин улыбнулся: она узнала его стук!

Он распахнул дверь.

– Разрешите ваш чемоданчик! – попросил он, протягивая руки к Тая.

– Зачем? – удивилась Тая.

– Можете перебираться в свою каюту!

Тая всплеснула руками, Марина хотела что-то сказать. Но Солнышкин уже подхватил чемодан и, высоко подняв голову, шагнул к Тайной каюте.

В коридоре торжественно посвистывал встречный ветерок.

Через несколько шагов Солнышкин вскинул голову ещё выше: с противоположного конца коридора к нему приближался его друг, старый инспектор океанского пароходства Мирон Иванович, по прозвищу Робинзон.

– Здравствуйте, Солнышкин!

– Здравствуйте, Мирон Иванович! – радостно кивнул Солнышкин. Но вслед за этим на его лице появилось лёгкое недоумение и на носу проступили крупные веснушки.

В руке у Робинзона тоже был чемоданчик. Под мышкой торчала свёрнутая медвежья шкура, из которой внимательно поглядывал глазок подзорной трубы. И остановился Робинзон у той же самой каюты.

– Кажется, эта каюта свободна? – спросил Робинзон. Солнышкин мигнул, не зная, что сказать. Он готовил каюту для Таи. Но не мог же он выпроводить и своего старого друга! Солнышкин покачал чемоданчиком и смущённо оглянулся.

Марина и Тая остановились. Робинзон тоже качнул чемоданчиком и усмехнулся:

- Вот так дела! Кажется, я забрёл не на своё место! Солнышкин готов был провалиться сквозь палубу. Он думал, что бы предпринять. Но сзади раздался голос Марины:

- Что вы, Мирон Иваныч! На своё! Солнышкин исподлобья посмотрел на неё.

- Но, кажется, вы тоже направляетесь в эту каюту? - учтиво поклонился Робинзон, поглядывая на чемоданчик в руке Солнышкина.

- Конечно! - сказала Марина.

- Конечно! - подтвердила Тая. - Мы пришли посмотреть, как Солнышкин приготовил для вас каюту!

- Неужели для меня? - лукаво спросил Робинзон.

- Для вас! - крикнул Солнышкин и, засмеявшись, кивнул.

- Но к чему же тогда ваш чемодан? - спросил старый инспектор.

- А увидите, - улыбнулась Тая.

- Ну что ж, тогда прошу, - пригласил Робинзон. - Прощу! - И распахнул дверь.

По переборкам струились солнечные блики. За иллюминатором перекатывались зелёные волны, а с лёгким сквознячком в каюту влетал громкий крик чаек.

- Спасибо, Солнышкин! - поблагодарил Робинзон и приподнял фуражку.

- Молодец, Солнышкин! - подхватила Марина.

А Тая вынула из своего чемоданчика белую крахмальную скатёрку.

– Вот видите, – сказала она и одним взмахом накрыла ею стол.

Солнышкину показалось, что всё вокруг наполнилось солнцем. Он готов был мыть и драить все каюты, все корабли, все флотилии на земле.

И сверху раздался крик боцмана:

– Солнышкин, ко мне!

Цирковые штучки боцмана Буруна

«Даёшь!» был чист, сиял, как ложки перед обедом. Но боцману Буруну не терпелось начать покраску. На кормовой стреле с кистью в руке сидел матрос Петькин. А на носовой стреле раскачивался матрос Федькин. Оттуда и доносились его песенки.

Сам Бурун на коленках ползал по коридору с лупой в руке и приглядывался к палубе, высматривая царапины. У машинного отделения он чуть не прилип к палубе носом. Прямо перед ним краснело пятно с целый пятак, а рядом ржавели несколько закорючек вроде запятых. Красить, немедленно красить!

Бурун крикнул:

– Солнышкин! – и поднял вверх глаза. Солнышкин стоял перед ним. Он ждал любого, самого отчаянного приказа. И Бурун приказал:

– Спать!

Этого Солнышкин не ожидал.

– Ты что, боцман? – удивился Солнышкин. Раньше он не замечал за Буруном любви к шуткам.

– Спать! – повторил Бурун и вскинул брови. – Сейчас спать, а ночью красить. Чтоб не топтали. Раскатаем под зелень. – И боцман улыбнулся: – Как в цирке!

Старый Бурун скучал по своим медведикам, которых оставили в Океанске. Ему всюду мерещился цирк, и, если бы мог, он превратил бы в цирковую арену весь пароход.

Боцман приготовил ведро краски и пошёл в каюту, засыпая уже на ходу...

Солнышкин тоже прилёг. Приказ! Но ему не спалось. Запахи краски кружили голову. Он видел, как из его рук выплывают разноцветные корабли и, поводя боками, идут к Антарктиде.

Наконец за иллюминатором потемнело. В небе покачнулась звезда, за ней вторая, третья. И скоро тысячи звёзд приплясывали над огоньками парохода.

На палубе смолкли разговоры. Сделав обход, захлопнул дверь лазарета доктор Челкашкин. Взялся за ключ рации лучший друг Солнышкина, радист Перчиков. И как только наверху затихла последняя песня Федькина, Солнышкин бросился в красилку.

Ведро было полнёхоньким. Солнышкин три раза отдышал, оглядываясь по сторонам. Но через несколько минут он уже снова макал кисть в ведро и размазывал краску по палубе.

«Пусть старый поспит подольше, и всё будет как в цирке!» – думал Солнышкин.

Палуба становилась ярко-зелёной.

– Как ковёр! – говорил Солнышкин и добавлял: – И как мокрая трава в тайге.

Палуба зеленела, словно луг после дождя. Не хватало только пения лягушек.

Солнышкин водил из стороны в сторону языком и быстро пятился. Он оглянулся только тогда, когда его пятки упёрлись во что-то твёрдое. Сзади был трап! Солнышкин выплеснул на палубу остатки краски, растёр её и, выйдя из коридора, довольный, присел на краешек трюма.

Выходила луна. Влажный ночной ветер дул ему в лицо, и Солнышкин, усмехнувшись: «Всё как в цирке!», тихо опустил голову...

Он дремал наверху, боцман похрапывал в каюте.

Сквозь сон до боцмана донеслись нежные запахи краски. Бархатной, зелёной! Рука боцмана сползла с одеяла и от лёгкой качки двигалась влево-вправо, влево-вправо.

«Хорошо получается! – думал боцман. – Очень хорошо!»

Ему снилось, что это он сжимает кисть и красит коридор. Но рука ударилась о край койки, и боцман вскочил: а ведь и в самом деле пора красить!

Бурун нащупал ногами деревянные колодки, сощурил спросонья глаза и шагнул в коридор.

Он хотел повернуться и идти направо, но его ноги не сдвинулись с места. Он попробовал оторвать их от пола – они не поднимались. Колодки намертво приросли к палубе.

Ошарашенный, Бурун вылетел из колодок, ухватился за фонарную решётку и, боясь опустить ноги, словно летучая мышь, повис под потолком. Пароходик подбросило.

– Кажется, начинает покачивать, – заметил в рубке молодой штурман Безветриков, по прозвищу Тютелька в тютельку, который любил необыкновенную точность. – Полбалла есть!

– Да, вы правы: на балл меньше или на балл больше! – согласился штурман Ветерков, по прозвищу Ми?лей больше, ми?лей меньше!

- Магнитит! - рассуждал боцман, качаясь взад и вперёд.

В это время сбоку открылась дверь машинного отделения.

- Ты что это раскачиваешь судно? - удивился машинист Мишкин.

- Магнитит! - показал глазами на палубу Бурун.

- Да ну? - ещё больше удивился Мишкин. Он нагнулся, приложил к палубе большой палец, и на нём оттиснулся толстый слой краски. - «Магнитит!» - усмехнулся Мишкин и закрыл дверь.

Бурун косо посмотрел вниз, приподнял пятку, припомнил свой сон... Потом раскачался и, разжав пальцы, пролетел через весь коридор. Он ещё раз осмотрел палубу и опустил на ступеньки. А в десяти шагах от коридора, на краешке трюма, дремал Солнышкин. Над ним светили южные звёзды, а из его рук всё уходило к Антарктиде цветные корабли.

Нужно закаляться, Перчиков!

Солнышкин проснулся оттого, что кто-то больно ухватил его за щеку и тянул неизвестно куда. Он размахнулся - и завертелся от боли. К щеке присохла кисть, которую он дёргал то вниз, то вверх.

Солнышкин скатился к умывальнику и, пока спала команда, усердно оттирал краску.

Когда захлопали двери кают, он вышел в коридор.

У машинного отделения Бурун показывал Федькину и Петькину то на потолок, то на палубу, к которой примагнитились его колодки, и рассказывал приключившуюся с ним историю.

- Неужели во сне? - спрашивал Петькин.

- Сам удивляюсь! - говорил боцман.

- А Солнышкин? - поинтересовался Федькин.

- Солнышкин! - воскликнул Бурун. - Да он спал, как килька в банке!

Солнышкин был доволен. Он сдерживал смех и думал, что бы сделать ещё такое - неожиданное и приятное.

- Ха-ха! - хлопнул он себя по лбу и посмотрел на каюту Робинзона. - Пока старик моется, наведу у него порядок!

Он взялся за ручку, но кто-то тронул его за плечо:

- Доброе утро, Солнышкин! - За спиной у него стояла Марина и приглаживала свою причёску.

- Доброе утро! - сказал Солнышкин и сунул руку в карман.

- Ну, что ж ты стал? - улыбнулась Марина. - Ведь вместе будет быстрее!

- Быстрее! - кивнул Солнышкин и приоткрыл дверь. В лицо ему едва не порхнуло полотенце.

В каюте было ветрено и свежо. Робинзон любил песни морского ветра - и иллюминатор был распахнут настежь. Койка была строго заправлена, и от зари уголок подушки светился, будто ломтик арбуза.

- Морской порядок! - похвалил Солнышкин. - И хозяина уже нет.

- А хозяин смотрит, скоро ли появится Антарктида, - сказала Марина, выглянув в иллюминатор.

Робинзон стоял на палубе у борта и смотрел в подзорную трубу, будто искал что-то на горизонте.

– Ну, до Антарктиды далеко! – возразил Солнышкин. – Впереди ещё Жюлькипур!

– Далеко, а кое-кто ко встрече с ней готовится сейчас. Вон у Пионерчикова вся каюта завалена книгами про Антарктиду, – сказала Марина. – Правда, нам это ни к чему. Мы ведь новые земли открывать не собираемся. Нам бы доставить груз – и домой.

Но Солнышкин возмущённо нахмурился: ничего себе! Штурману Пионерчикову книги к чему, а Солнышкину ни к чему? Пионерчиков пусть собирается открывать новые земли, а Солнышкин нет? Дудки! Сегодня же он перечитает всё об Антарктиде. Всё, что только есть на судне! И ещё посмотрим, кто откроет больше!

Минуты и секунды не шли, а летели, как брызги из шланга. Полдня Солнышкин то и дело бегал мимо книжного шкафа, в котором стояли тяжёлые тома энциклопедии.

И не успел кончиться ужин, а Солнышкин, пыхтя, притащил в каюту столько книг об Антарктиде, что Перчиков поёжился, как от холода.

– Ты это что? – спросил он, оторвавшись от радиоприёмника.

Но Солнышкин плюхнулся на койку и открыл том, на боку которого золотом была оттиснута яркая буква «А». Через секунду он уже не слышал ни рокота волн, ни гула машины. Солнышкин шагал по сверкающей Антарктиде среди льдов и пингвинов, и перед ним открывались новые земли. Земля Перчикова. Земля Робинзона. Названия старых земель ему тоже нравились не все. Подумаешь, Земля Королевы Мод! Уж лучше бы Земля Марины! Никакая королева туда и носа не показывала, а Марина плывёт к настоящей Антарктиде на настоящем пароходе!

– Послушай, Солнышкин, нельзя ли потише? – спросил вдруг Перчиков, зашмыгав носом.

Под пальцами Солнышкина так летали страницы, что у Перчикова от ветра начался насморк. Солнышкин на минуту остановился, потом махнул рукой и сказал удивлённому радисту:

– Нужно закаляться, Перчиков! Впереди Антарктида! Затем он встал, захлопнул книгу и направился к шлюпочной палубе. Там у шлюпки лежали два увесистых болта, с которыми Солнышкин упражнялся каждое утро. Правда, Перчиков под насторожёнными взглядами Буруна то и дело язвительно замечал: «Ты бы прихватил что-нибудь потяжелее! Ну хотя бы боцманский якорь!» Но Солнышкин не обращал на это внимания. Он поднимал болты, бицепсы наливались под кожей, играли, как крупные антоновки, горячий ветер обдавал грудь, а сердце выстукивало: «Так держать, Солнышкин!» Но сейчас Солнышкин вдруг изменил курс: на корме к шуму волн примешивался быстрый лёгкий стук. Это у камбуза заядлые игроки начинали игру в домино.

Бриллианты, колбасные, небоскрёбы!

Артельщик парохода «Даёшь!» лежал на койке и радостно хихикал. Пароход приближался к Жюлькипуру, покачивая боками, словно их щекотала тёплая тропическая вода. Но Стёпке казалось, что палуба подпрыгивает вместе с ним от восторга: тысяча топазов, тысяча алмазов, тысяча рубинов!

В руках артельщик держал потрёпанную книжку. Обложки у неё не было, первых страниц тоже. Но Стёпке они были совершенно ни к чему. Зато в тысяча первый раз он перечитывал одну и ту же страницу, и каждая буква на ней подмигивала ему, как драгоценный камень, а каждое слово позвякивало, как горсть золота.

«Там, в одном из кварталов, у самого Жюлькипурского храма пираты зарыли свою добычу – тысячу рубинов, тысячу алмазов, тысячу топазов». Стёпка ещё раз перечитал эту строчку, и в глазах у него сверкнули алмазные фонарики. Пароход качнулся от восторга. На книгу упали красноватые лучи заката, и страница заиграла алым, рубиновым светом.

«Тысяча рубинов! – всхлипнул артельщик. – Да это же целая колбасная!» И буквы на странице взвизгнули, как тысяча сосисочных поросят.

– А почему колбасная? – спросил он сам себя и перевалился на другой бок так, что под ним хрустнула койка. – Какая колбасная? Тысяча колбасных! Тысяча небоскрёбов! Только бы добраться до Жюлькипура. И не будь я Стёпка-

артельщик, если не покажу кое-что гражданину Солнышкину! – Он запустил пятерню под матрац, вытащил оттуда ванильный сухарь и перекусил его пополам. – А что мы сделаем с Перчиковым? – И он хрустнул новым сухарём. Сухари хрустели, как косточки. Артельщик вспоминал всех. – А, это вы, гражданин Моряков? А в чистильщики не хотите? Могу взять. Не хотите? Ходи?те безработным. – И он хрустнул ещё одним сухарём. – А-а, это вы, старый Робинзон? Вам очень подходит форма моего швейцара! Дайте только добраться до Жюлькипура! – Артельщик хрюкнул от удовольствия и, потянувшись, воскликнул: – Тысяча рубинов! Тысяча топазов! Тысяча алмазов!

«Даёшь!» приближался к тропикам, и в лицо артельщику дули тёплые ветры Жюлькипура.

Сигналы неизвестной цивилизации

Ни Солнышкин, ни Перчиков, ни Моряков, конечно, не предполагали нависшей над ними опасности. Солнышкин играл в домино, а коричневые от загара капитан и радист стояли на самом носу парохода. На тысячи миль вокруг них просторно синел океан. Попутный ветер доносил с камбуза чесночный аромат котлет, над которыми колдовал кок Борщик. Порой судно вздрагивало, и тогда из рубки раздавался голос вахтенного:

– Перчиков, попросите, пожалуйста, вашего друга обращаться с пароходом поосторожнее!

Дело в том, что два дня тому назад в радиорубку к Перчикову прибежал взволнованный штурман Пионерчиков:

– Срочно включите локатор!

– Минуту, – неторопливо сказал Перчиков, снимая наушники, в которых раздавалось его любимое бип-бип-бип.

– Скорее! – попросил Пионерчиков. – Мне кажется, нас всё время кто-то преследует.

Перчиков взглянул с иронией на юного штурмана, но, подтянув брючки и выйдя на палубу, насторожился. Его остренький нос вонзился в темноту. При свете луны среди волн действительно то появлялся, то исчезал неясный округлый предмет. Он быстро шёл на сближение с пароходом, и по бокам его бурлили светлые фосфорические полосы. У Перчикова перехватило дыхание. Здесь могли быть и не совсем приятные встречи.

- Ну что? - крикнул Пионерчиков. - Я говорил!

- Бежим! - бросился Перчиков к рулевой рубке. - Морякова наверх! Тревога!

Но едва они взлетели на трап, пароход так подбросило, что Пионерчиков сел и, подсакивая, поехал вниз по ступенькам, а Перчиков задел головой штангу и, к изумлению штурмана, выпалил:

- Ура-а!

От удара в глазах у радиста стало так светло, что он сразу увидел, как «Даёшь!» догоняет их старый друг - Землячок! Кит, который однажды вынес Перчикова на спине с необитаемого острова, выпускал белый фонтанчик и нежно прижимался к борту парохода после долгой разлуки. Делал он это не очень осторожно, и поэтому вахтенные просили Перчикова повлиять на друга.

Но Перчикова сейчас волновало не это.

В тот же вечер, когда появился Землячок, счастливый радист вернулся в рубку, настроил аппаратуру на привычный лад, и вновь из звёздных просторов к нему донёсся весёлый звук: бип-бип-бип!

В открытую дверь было видно, как по небу среди звёзд быстро плывёт спутник, и Перчиков снова почувствовал себя в кабине настоящего космического корабля.

Но скоро в наушниках раздался какой-то далёкий-далёкий звук, совершенно незнакомый и непривычный. Такого Перчиков не слышал за всю свою жизнь. Он замер и стал прислушиваться. Звук почти погас. Усмехнулся и погас. И вдруг повторился с новой силой, будто прорвался сквозь далёкие-далёкие миры. Звук напоминал что-то похожее на дзинь-дзинь-дзинь.

Перчиков бросился в рубку к Морякову:

– Сигналы, непонятные сигналы!

– Позвольте, позвольте! – воскликнул Моряков. – Уж не те ли, которые недавно приняли учёные?

– Какие?.. – опешил Перчиков.

– Разве вы не слышали сообщений радио? Короткие затухающие сигналы, сигналы других миров, других планет!

И Моряков, распахнув дверь, кинулся в радиорубку.

Перчиков трусцой побежал за ним. Сигналы были слышны!

На второй день звуки повторились в то же самое время.

– Если примем их в третий раз, – сказал Перчиков, – сообщим в Океанск!

– В Академию наук! – воскликнул Моряков. – Подумать только, может быть, кто-то за миллионы километров подаёт сигналы всей Земле, всему человечеству, а слышим мы одни?! А их должны слышать все – в России, в Америке, в Англии!

Вот о чём говорили Моряков и Перчиков на носу парохода «Даёшь!».

– Да, Евгений Дмитриевич! – спохватился Перчиков, услышав об Англии. – У меня к вам есть просьба.

– Я вас слушаю!

- Не поможете ли вы Солнышкину подучить английский? Ведь скоро Жюлькипур!

Даже в такое время Перчиков помнил о друге.

- С удовольствием! - сказал Моряков. - С удовольствием! - И посмотрел сверху на Перчикова: - Но почему просите об этом вы?

- А я хочу ему сделать сюрприз с помощью техники! - улыбнулся Перчиков. - Положил на ночь магнитофон под подушку, а утром проснулся - и сразу: «Гуд монинг!»

- С удовольствием! - повторил Моряков. - О чём речь! - И посмотрел на часы: - Но, кажется, нам пора?

И они решительно направились к рубке. В этот самый момент с кормы сквозь шум донёлся крик Буруна:

- Стоп! Стоп! Человек за бортом! Человек за бортом!!!

Дубль шесть!

Спрятав под матрац заветную книгу, артельщик поднялся на палубу. От великих планов у него кружилась голова, волны несли его на своих плечах к Жюлькипуру, к городу небоскрёбов, базаров, харчевен. Стёпка сам чувствовал себя целым городом с колбасными, небоскрёбами, глаза его вспыхивали, как витрины в лучших ресторанах. Ключи от артелки сами приплясывали в руках, и пальцы искали, из кого бы тут наvertеть колбас, а кого свернуть в рулет.

Возле камбуза в воздухе вились три уютных дымка, мурлыкала гитара Федькина, и на весь океан шлёпали костяшки домино. Там забивали «морского козла». Сбоку на трапе сидел Солнышкин и наблюдал за игрой.

«Повеселитесь, повеселитесь», - подумал артельщик и подошёл к компании:

- Сыграем? - Он готов был разбросать всех, как слепых котят.

- В пару с Петькиным, - сказал Борщик, мешая домино и принохиваясь: не горят ли на плите макароны.

Стёпка запустил пятерню в кости и сразу с грохотом хватил ладонью о ящик. Везенье так и валяло в руки!

- Шесть - шесть! На всю капусту!

Борщик от неожиданности приподнялся и замигал подпалёнными ресницами. Мишкин сощурился и, прикусив папироску, приставил камень сбоку.

- Шесть - пять.

- Правильно! - сказал Солнышкин, который болел за Мишкина.

- Вас не спрашивают, Лунышкин, - сострил артельщик и так шлёпнул камнем по ящичку, что белые точки едва не вылетели из камня. - Четыре - шесть!

- Ну и разошёлся! - с интересом посмотрел на него Солнышкин.

- А нельзя ли потише? - раздался за спиной артельщика сердитый голос.

И на бак в полной форме выскочил штурман Пионерчиков с раскрытой тетрадью в руках. Он сочинял статью о делах юных моряков.

Крик артельщика помешал ему думать в тот момент, когда в голову пришли великолепные слова, а теперь они из головы вылетели.

Пионерчиков и без этого терпеть не мог артельщика.

При каждой встрече он мечтал дать ему хорошего пинка. Но честь морского мундира и пионерский закон не позволяли распускать руки.

- А может, сыграем? - повернулся к нему Стёпка, вскинув рыжую бровь.

– Я в подобные игры не играю, – отчеканил Пионерчиков и сморщил лоб. Он старался вспомнить великолепные слова.

– Дрейфите! – ухмыльнулся артельщик.

– Кто?! – изумился Пионерчиков. Его обвиняли в трусости!

Поставив ногу на край ящика, на котором сидел Борщик, он решительно взял камни из рук поражённого кока.

– Пять – два! – ударил по столу штурман.

– Отличный ход, молодец Пионерчиков! – сверкнул Стёпка тремя золотыми зубами и вбил очередную шестёрку с другой стороны.

Мишкин присвистнул:

– Стучу – е?ду!

– А ну-ка, Петькин, подайте и мистеру штурману колясочку до самого Жюлькипура! – захохотал артельщик.

Но Петькин уныло пожал плечами и выставил совсем другой камень.

– Что делаешь?! – Артельщик толкнул Петькина ногой.

Но было поздно: Пионерчиков удачно выставил следующий камень, а артельщик, замигав, споткнулся носом о собственную ладонь:

– Еду.

– Та-ак, – протянул Мишкин, – у кого-то присох дупелёк. Рыба. – И он опустил камень на кон. С обеих сторон стояли четвёрки.

– Считать очки, – сказал Пионерчиков.

Федькин опустил гитару. Борщик забыл про макароны.

Солнышкин соскочил с трапа.

Все склонились над столом.

И вдруг Пионерчиков насторожился:

– А у кого дубль пять?

Мишкин положил руки на стол. Петькин раскрыл ладони.

– А вон он! – крикнул Солнышкин. – Вон! – И показал на рукав артельщика.

– Какой дубль? – разжав пальцы, усмехнулся артельщик.

И тут Пионерчиков почувствовал, как что-то, щёлкнув его по носу, полетело за борт. Он сделал прыжок и вытянул руку, будто ловил муху, но опоздал.

– Там камень! – сказал Пионерчиков.

– Хе-хе! Где камень? Проверьте! – засмеялся артельщик.

Это было уже делом принципа. Пионерчиков бросился к борту. Федькин вцепился ему в брюки, но тоненький штурман выскользнул из них и ласточкой полетел в океан. На секунду все в изумлении открыли рты и вдруг разом взвыли.

– Человек за бортом! – кричал Бурун.

– Круг! – крикнул Солнышкин и бросился за спасательным кругом.

– Горим, горим! – заметался Борщик: на камбузе стреляли и дымились макароны.

– Акула, акула! – заорал Федькин.

И тут все увидели, как, переворачиваясь вверх брюхом, к штурману несётся громадная акула.

Странная тропическая акула

Навстречу Пионерчикову мимо «Даёшь!» стремительно несло серое брюхо приготовившейся для броска странной тропической акулы.

– Багром её, багром! – выпалил покрасневший Бурун и метнул вниз пожарный багор.

Но акула пронеслась мимо и приближалась к тому месту, куда нырнул юный штурман. Теперь Пионерчиков остался с хищницей один на один.

– Пропал!.. – сказал Федькин.

Но штурман вынырнул. В руке он победоносно сжимал дубль и собирался произнести обличительную речь, когда увидел, что пароход уходит. Артельщик удирал! Возмущённый Пионерчиков помахал кулаком вдогонку и тут заметил летящую на него задранную акулю морду. Акула пыталась сорвать ему выступление! В запальчивости Пионерчиков так двинул её ногой, что морда мгновенно вогнулась, а во все стороны от неё полетели красные брызги. Правда, красными они были от заката, но Пионерчиков этого не видел. Он схватил хищницу за горло и с таким треском рванул, что из неё тут же со свистом вылетел дух.

К этому времени «Даёшь!» дал задний ход, и все увидели, как в краснеющую с каждой минутой глубину опускается тело убитой акулы.

Конечно, свысока трудно было разглядеть, что на её морде зачем-то вышита буква «Т». А Пионерчикову тоже было не до этого.

И только Тая в стороне ото всех вздыхала, глядя в воду: там тонул её любимый пододеяльник с красивой буквой «Т», который она выронила от испуга, увидев, как Пионерчиков прыгает за борт.

– Шут с ним, с пододеяльником!.. – вздохнула она. – Главное, штурман жив, целёхонек.

Некоторые непредвиденные обстоятельства

– Стоп машина! Шлюпку на воду!

Моряков и Перчиков неслись по трапу через три ступеньки. Солнышкин катил впереди себя спасательный круг, а Пионерчиков уже взбирался наверх по штурмтрапу, который держали в руках Федькин и Бурун.

– Что случилось? Что это значит? – спросил Моряков.

Но мокрый победитель акулы, перебросив через борт ноги, сразу направился к артельщику и размахнулся так, что у Стёпки заранее взбухла щека и показалось, будто корабль кренится влево.

Пионерчиков занёс руку Пионерчиков развернул мокрую ладонь, он уже сам слышал звон горячего шлепка. Но по пионерским законам и морским правилам этого делать не полагалось.

«Хе-хе, сдрейфил! – облегчённо подумал артельщик. – Ничего, мы ещё себя покажем». И он покосился в сторону Жюлькипура.

– В чём дело? – ещё раз громко спросил Моряков. Он нервничал: до приёма космических сигналов оставались считанные минуты, а на судне разгорался скандал!

Корма была полна народа.

- За борт артельщика! - кричал Мишкин. - Он травил Солнышкина.
- Перчикова на необитаемый остров высаживал, - сказала Марина.
- Макароны из-за него подгорели! - крикнул с камбуза Борщик.
- И кроме всего, он мошенник, паршивый мошенник! - вспыхнул Пионерчиков, который до сих пор не оделся и держал в руках брюки.
- Та-ак... - сказал Моряков. - Так. Что же мы с ним сделаем?
- За борт его! - взмахнул кулаком Солнышкин. - А в лодку ему десяток сарделек и пять бутылок «Ласточки», как он когда-то Перчикову!

Артельщик, как толстый барбос, прижался к стене. Кажется, наступало время расплаты. Команда ждала решения.

Суровый Пионерчиков прошёлся по палубе и сказал:

- Вынесем выговор!
- За что?! - взвыл артельщик, хотя сам чуть не обезумел от радости. Такое решение его устраивало.
- Так выбросим или выговор? - Моряков обвёл глазами команду.
- Выговор, - сказала Марина, - а ключи от артелки передать боцману.
- Протестую! - загнусавил Стёпка. - Я протестую!

Теперь-то он оставался на корабле. Ничего, лишь бы добраться до Жюлькипура, а там он ещё поговорит с этими Перчиковыми-Пионерчиковыми. И вдруг, на

удивление самому себе, Стёпка выпалил:

- Я протестую! Я объявляю голодовку!

- Что?! - спросил Перчиков.

- Что-что?! - повторил Солнышкин.

- Голодовку! - воскликнул артельщик и швырнул боцману ключи.

- Ну и обидел! - захохотал Мишкин.

- Врёт! - усмехнулся Пионерчиков, натягивая брюки.

- А вы, - повернулся на его голос доктор Челкашкин, - а вы зайдите-ка, пожалуйста, на минутку ко мне.

- И ко мне тоже, - добавил Моряков. - Через часок. - И бросился в радиорубку.

Солнце село, на небе горели звёзды, и вот-вот должны были раздаться далёкие таинственные сигналы. Сигналы космической цивилизации.

Сигналы космической цивилизации

Ночь была в тысячах мерцающих огней. Корабль тёрся щеками о бархатную темноту, вода шелестела о борт парохода. Моряков любил такие часы. Тысячу раз он проходил под южными созвездиями, но всегда замирал перед этим небом и готов был снять свою капитанскую фуражку перед каждой далёкой звездой. Звёзды вежливо отвечали ему лёгким всплеском и заглядывали в рубку, словно просились в гости. Казалось, протяни руку - и какая-нибудь из них опустится на ладонь и начнёт удивительный рассказ.

Но это, конечно, только казалось.

Теперь звёзды должны были говорить в самом деле. И Моряков шёпотом спрашивал у Перчикова:

- Ну что?

- Молчат, - хмуро сдвинул наушники Перчиков.

- А может, что-нибудь с антенной? - спросил Моряков.

- Проверим, - сказал Перчиков и полез на стул, но руки его не дотягивались до потолка.

- Становитесь на плечи, - предложил Моряков и подставил спину.

Перчиков замигал.

- Не валяйте дурака, Перчиков, дорога? каждая секунда!

Перчиков поставил ногу на могучее капитанское плечо и сразу услышал, как в наушниках затенькал далёкий угасающий звук. Перчиков едва не свалился на пол. Но удержался и продолжал слушать.

- Поднимите выше.

- Что? - затаив дыхание, спросил Моряков.

- Выше! - сказал Перчиков.

Капитан распрямылся. Радист упёрся лбом в потолок и закричал:

- Есть, есть! Понял, понял!

И, соскочив, он показал на иллюминатор:

- Видите, вошла луна - и появились сигналы.

– Ну и что? – спросил Моряков.

– Они отражаются от луны. А если к ней приблизить нашу антенну, если поставить её на носу, звуки усилятся! – живо объяснил Перчиков. – Ведь судно идёт носом к луне!

– Гениально! – воскликнул Моряков. – Просто и гениально! – И с переносной антенной, растягивая за собой провод, он шагнул в темноту.

На палубе стояла жара. Тут и там раздавались храпы. Протяжно посапывал сам океан. Моряков миновал мачту, перешагнул через Буруна, который ворочался с боку на бок и во сне умолял свою старуху: «Да хватит топить, жарко!» – и вдруг услышал крик Перчикова:

– Есть! Есть!

Капитану показалось, что он даже простым ухом уловил знакомый летучий звук. Он сделал ещё несколько шагов по прямой, но услышал разочарованный голос Перчикова:

– Пропали... Пропали...

И вдруг капитан увидел интересную картину. На фоне луны чётко обозначался силуэт Ветеркова, сидевшего на самом носу парохода. Молодой штурман облюбовал самое прохладное место на судне и, подставляя лицо освежающему ветру, намыливал щёки. В руке у него сверкала бритва. Штурман брился!

«Сигналы так далеки, что даже лезвие бритвы может их пресечь», – испуганно подумал Моряков.

Он хотел схватить Ветеркова за руку, но в эту минуту явственно услышал знакомое волнующее «дзинь!». Молодой штурман провёл бритвой по щеке.

– Отлично! – закричал из радиорубки Перчиков. Дзинь-дзинь!.. – повторилось снова.

– Чудесно! Великолепно! – сообщил Перчиков, как только штурман коснулся подбородка.

Но вот штурман закрыл бритву – и звуки пропали.

– Позвольте, – сказал Моряков так, что Ветерков едва не уронил кисточку от неожиданности, – позвольте ваш инструмент.

– А, – улыбнулся штурман, – вы тоже хотите побриться? Пожалуйста.

Моряков приподнял подбородок: щетина росла в тропиках, как бананы на плантациях. Капитан раскрыл бритву и с волнением провёл по щеке: дзинь-дзинь...

Не веря себе, он коснулся щеки ещё раз.

– Есть, есть! – закричал сверху Перчиков. Моряков провёл лезвием по подбородку, и в наэлектризованный воздух посыпался целый фейерверк звуков.

– Ура! – снова закричал Перчиков.

– А как вам кажется, на Марсе бреются? – спросил Моряков штурмана.

– Возможно, – пожал плечами Ветерков, глядя, как Моряков срезает щетинку за щетинкой и начинает громко хохотать.

И только Перчиков в рубке ничего этого не слышал. К нему летели космические радиogramмы, в голове вертелись слова, которые он передаст в Академию наук: «Обнаружена внеземная цивилизация, осталось расшифровать значение сигналов!»

Будьте большим, Солнышкин!

Конечно, Солнышкин тоже пошёл бы с Перчиковым и Моряковым, но от возмущения он весь кипел. Концы его чубчика взвивались, как жаркие протуберанцы.

– Подумаешь, выгнали из артельных! Нашли наказание! В запасе у Солнышкина было кое-что покрепче. Когда артельщик со злостью хлопнул дверью каюты, когда машина парохода затянула вечернюю песню, убаюкивая себя и команду, Солнышкин вытащил из подшкиперской громадную железную скобу. Прислушиваясь, он прошёл по сонному коридору и принялся подвязывать её шпагатом над Стёпкиной дверью.

– Пусть только выйдет! – приговаривал Солнышкин. – Пусть только покажется!

Он уже видел, как судно просыпается от грохота. Это артельщик врезается в скобу лбом! Вот над океаном вспыхивает свет. Это из глаз артельщика вылетают шаровые молнии! Он уже слышал его испуганный голос.

И голос раздался. Рядом. Правда, спокойный и тихий, но, узнав его, Солнышкин так быстро повернулся, что по нечаянности сам приложился лбом к скобе.

– Добрый вечер, Солнышкин! – В дверях коридора стоял Робинзон и наводил подзорную трубу на его сооружение. – Что это вы конструируете? Часы?

В коридоре раздавался чёткий, как бой часов, стук машины, и скоба раскачивалась от удара, подобно маятнику.

Солнышкин промолчал и сдвинул брови.

– Мне кажется, конструкция не совсем удачна! – с иронией заметил Робинзон. – Неважный, очень громоздкий маятник! Во-первых, пробыёт он всего однажды, а во-вторых, сделает даже доброго человека злым. – И он с улыбкой посмотрел на лоб Солнышкина, по которому разливалось багровое пятно. – А часы должны бить каждое утро! – взмахнул Робинзон трубой. – И каждое утро напоминать человеку, что нужно вставать и браться за добрые дела! Людям нужно делать доброе, Солнышкин! – И он ещё раз поднял трубу вверх, как восклицательный знак.

Судно слегка кивнуло, словно соглашаясь с Робинзоном. Но у Солнышкина возникло сомнение.

– А если это дрянной человек?! – сердито возразил он. Старый инспектор потёр пальцами подбородок.

– Что ж... Даже и для плохого человека иногда стоит сделать добро, – рассудил Мирон Иваныч. – Может быть, он задумается и станет лучше.

– Ждите! – махнул рукой Солнышкин.

– А если не поймёт, тем хуже для него. Дрянные дела сами приведут его к тому, чего он заслуживает. – Седые виски Робинзона строго сверкали, а глаза смотрели на Солнышкина серьёзно и задумчиво. – А вот если человек, – сказал Робинзон, – даже очень хороший человек, начинает придумывать мелкие пакости даже очень плохим людям, он сам становится мелким. Людям надо делать добро, нужно быть большим, Солнышкин!

Робинзон приподнял фуражку и, взяв трубу под мышку, пошёл в свою каюту.

Солнышкин задумался и посмотрел вверх, где качалась ржавая скоба. Да, для доброго дела этот маятник, конечно, не годится. Теперь Солнышкин понимал это особенно хорошо! И хотя делать что-нибудь хорошее для артельщика Солнышкин пока не собирался, он тут же сорвал скобу и, выйдя из коридора, швырнул её за борт. Там тихо плеснула вода, по ней снова побежала ровная лунная дорожка. И удивительно, но Солнышкин почувствовал себя так, будто стал чуточку выше.

Новые методы доктора Челкашкина

Пока Моряков и Перчиков проводили свой выдающийся эксперимент, в небольшой каюте Челкашкина произошло событие не менее удивительное.

Подозрительно принюхиваясь к медицинским запахам, Пионерчиков постучал к доктору.

- Входите, садитесь, - пригласил Челкашкин и, усадив штурмана на вращающееся кресло, взял его за подбородок. - Смотрите мне в глаза, - сказал он.

- Но я совершенно здоров, - предупредил Пионерчиков.

- Проверим, - сказал доктор и взял молоток, при виде которого у юного штурмана сразу дёрнулась нога. - Нервишки! - Он показал пальцем на колено.

- Это качает, - оправдывался Пионерчиков, хотя за иллюминатором стоял полный штиль.

- Нервишки, - повторил Челкашкин и добавил: - Будем лечиться. Гипнозом.

- Каким ещё гипнозом? - поднялся Пионерчиков. Он не верил в подобные сказки с самого детства.

Но у доктора не было ни малейшего повода сомневаться в могуществе гипноза.

Во-первых, об этом говорило множество медицинских журналов, а во-вторых, во время стоянки в Океанске доктор проделал два удивительных эксперимента. Прямо на улице, недалеко от парходства, он заставил поверить собаку в то, что она кошка, а кошку - в то, что она собака. Это могут подтвердить многие жители города, которые видели, как собака спасалась от кошки на дереве. Они же, кстати, видели и второй опыт доктора. В кинотеатре «Океанск» он загипнотизировал билетёршу, и она без билетов провела на очередной сеанс целую толпу мальчишек.

И поэтому доктор сказал Пионерчикову:

- Обыкновенным гипнозом.

- На меня это не подействует: я в это не верю, - сказал Пионерчиков.

Усики Челкашкина сдвинулись в улыбке.

- Доказать? – спросил он.

- Ну зачем хвастать, доктор?

Теперь усики доктора дёрнулись от обиды.

- В кого вас превратить? – спросил Челкашкин.

- В кого угодно, – зевнув, разрешил Пионерчиков и положил ногу на ногу. – Только, пожалуйста, не в тигра и не во льва. А то ещё проглочу по нечаянности!

- Чудесно! – приблизился к штурману доктор и с расстановкой сказал: – Я превращу вас в барбоса!

- Как хотите. Только учтите, что я не собираюсь ни рычать, ни лаять, ни становиться на четвереньки, – заявил Пионерчиков.

- Вы чудак, штурман! Когда-нибудь ещё напишете об этом рассказ...

Пионерчиков едва не взорвался. Он сочинял статьи, придумывал прекрасные слова, а ему предлагали писать о каких-то собаках!

Но Челкашкин заглянул глубоко в зрачки Пионерчикова своими голубыми глазами, и у того по спине пошли мурашки.

Штурман дёрнулся.

- Ну, что же вы? – Челкашкин с усмешкой шевельнул правым усиком.

Юный штурман выпрямился и уже с любопытством посмотрел доктору в глаза.

- Представьте себе, что вы дворняжка. – Челкашкин поднял руку. – Нет? Не хотите дворняжкой? Ну, сенбернар. Великолепный сенбернар. Вы лааете: «Гав-гав!»

Штурман пренебрежительно отмахнулся:

– Но я не ла... Но я не лав... – Он поперхнулся. – Но я не гав...

Пионерчиков подскочил. Он побледнел и хотел крикнуть, чтобы доктор прекратил эти шуточки. Но с языка сорвались непривычные звуки...

Пионерчиков испугался. Он в отчаянии кинулся к доктору и взмахнул руками.

– Не хотите? – остановил его доктор и улыбнулся добрыми ясными глазами. – Ну ладно, ладно. Вы человек. Вы говорите на настоящем человеческом языке. Дайте руку.

Но Пионерчикову было не до этого. Он сорвался с места и выбежал из лазарета. Придя в себя, он приоткрыл дверь, чтобы выразить ещё раз своё возмущение, но, посмотрев в глаза Челкашкину, вдруг вскрикнул: «Гав!» – и в испуге бросился по коридору.

Удивительный урок капитана Морякова

Звёзды перемигивались всё так же хитро и таинственно.

Конечно, от космической неудачи носик Перчикова немного побледнел, но в запасе у радиста было множество дел на земле. Он тут же взял собранный недавно магнитофончик и отправился к Морякову записывать для Солнышкина первый урок английского языка.

Накинув полотенце на шею, капитан сидел перед мольбертом и держал в руке кисть. Он любил рисовать красивые суда, заморские гавани, чтобы их могли увидеть ребята из его далёкого городка. Его картины согласны были приобрести известные музеи, но Морякова это не привлекало. Зато в школе, где когда-то на старенькой скрипящей парте он рисовал паруса, теперь на стенах бушевали все

моря и океаны. Стоило новичку войти в коридор – и на него обрушивались волны Бискайского залива, надвигались арктические льды, а между ними весело кричали ладные, яркие пароходики. Нет, не зря половина школы собиралась в дальнее плавание.

Теперь Моряков взялся за портреты лучших людей с прославленного парохода «Даёшь!». И на полотне из облака пара возникало весёлое лицо в колпаке.

– Борщик! – воскликнул Перчиков, войдя в каюту.

– А что, похоже? Правда, похоже? – обрадовался Моряков. И, сощурившись, посадил коку на нос маленькую розовую запяную. – Но не будем терять драгоценного времени. – Капитан бросил взгляд на магнитофон.

– А может, лучше завтра? – спрятал магнитофон за спину радист.

– Что вы, Перчиков, – сказал капитан, чуть-чуть выпятив губу и разглядывая исподлобья портрет. – Открывайте-ка ваш аппарат. Минуты, Перчиков, как раковины в океане. Одна пустая, а в другой в это время растёт маленькая жемчужина. Это ведь здорово, что растёт, а? – И, услышав, как зашелестела магнитофонная лента, Моряков сказал: – Гуд мониторинг, – и вежливо улыбнулся Борщику. – С чего же мы начнём наш урок? Пожалуй, мы поговорим с вами, как джентльмен с джентльменом. Не так ли? – И капитан учтиво раскланялся. – Начнём с правил морской вежливости.

Увидев, что всё в порядке, Перчиков на цыпочках вышел в коридор и поднялся в радиорубку. А Моряков, легко работая кистью, продолжал на английском языке преподносить возникающему на холсте Борщику урок вежливости. Но неожиданно за дверью раздалось такое громкое «гав», что он едва не выронил кисть и бросился в коридор.

На пороге, виновато переступая с ноги на ногу, стоял Пионерчиков.

– Послушайте, Пионерчиков, – опешил капитан, – что с вами? Что за ребячество?! То вы прыгаете за борт, то лаете, как барбос! Как же вы станете капитаном?

Пионерчиков одёрнул пиджачок и покачнулся. Он хотел объяснить, что он тут ни при чём, что это гипноз, но только плотней сжал губы.

– Вам, наверное, нечего делать, – сделал замечание Моряков, взмахнув кистью.

Пионерчиков собирался сказать, что у него есть дела, но снова прикусил язык.

– Так вот, завтра утром проверите у Солнышкина урок английского. Ясно?

Пионерчиков кивнул. А Моряков, вернувшись к Борщику, продолжил с ним джентльменский разговор.

Пионерчиков, увидев, как капитан рисует Борщика и разговаривает с ним по-английски, будто с живым, потрогал свой лоб, вздохнул и отправился спать.

А через несколько минут в каюту капитана спустился Перчиков, захлопнул магнитофончик и быстро удалился, пожелав Морякову спокойной ночи.

Гуд мониторинг, Солнышкин!

Слова Робинзона оказали на Солнышкина удивительное действие. Мало того, что он почувствовал себя подростком. Ему захотелось завтра же с утра сделать что-нибудь приятное своему другу Перчикову. Он подумал о том, как хорошо плывётся в тёплых водах их бравому пароходнику, как уютно дремлет ему среди тропической ночи, и Солнышкину самому захотелось вздремнуть.

Но прежде чем забраться под простыню, он поднялся в рубку узнать, далеко ли до Жюлькипура.

– Миль двести, – определил Ветерков, выглянув в иллюминатор.

– Ну нет, что вы! – возразил Безветриков. – Двести пятьдесят!

– Двести, Солнышкин! – сказал Ветерков. – Воздух пахнет перцем!

– Но ведь перцем от жюлькипурской кухни пахнет за двести пятьдесят миль. Об этом даже пишется в лоции! – приподнял от негодования фуражку Безветриков. – А вот соусом – за двести!

Солнышкин потянул носом, но, увы, таким морским нюхом он ещё не обладал. Зато фантазии у него было сколько угодно. И он услышал за океаном крики обезьян, щёлканье попугаев, шелест пальм и фрамбоянов. Горячий ветер раскачивал перед его глазами громадные банановые листья.

Под их колыхание Солнышкин так крепко уснул, что не слышал, как пришёл Перчиков, как укрыл его одеялом и поправил подушку. Ему только приснилось, как из банановой пальмы неожиданно выглянул Моряков, вежливо поклонился и по-английски сказал: «Гуд мorning».

Едва открыв глаза, Солнышкин улыбнулся. Ему захотелось чихнуть. Луч солнца бегал по кончику носа. Солнышкин спрыгнул с койки, высунул голову в иллюминатор и отскочил: прямо в лицо ему плеснула вода – хватит спать! За бортом, под самым иллюминатором, нырял Землячок и выбрасывал вверх фонтаны воды. Кит будил своего друга.

Но радиста уже не было. Солнышкин, которому не терпелось сделать что-то хорошее, бросил верному киту кусок сахара. Кит наполовину вынырнул из воды, сделал настоящую стойку и, разинув громадную пасть, поймал сахар! Пароход подбросило, и Солнышкин едва удержался на ногах.

Солнышкин не поверил случившемуся. Но из воды на него смотрел маленький лукавый глаз. Кит ждал добавки.

Солнышкин бросил второй кусок. В каюте звякнули стаканы, а из графина вылетела пробка. Сверкнув спиной, Землячок сделал бросок, которому позавидовал бы не один бывалый вратарь, и проглотил второй кусок.

Солнышкин в восторге бросил третий кусок и закачал рыжей головой: кит снова делал стойку!

Солнышкин хотел постучать боцману, но в это время за спиной скрипнула дверь. На пороге стоял юный штурман Пионерчиков. Тот самый Пионерчиков, который

вчера поразил всю команду поединком с акулой. И пришёл он вовремя. Сейчас Солнышкин покажет ему фокус с китом!

Но Пионерчиков, чуть-чуть заикаясь, спросил:

– При-г-готовили урок?

– Какой урок? – Солнышкин протёр рукавом тельняшки мокрый лоб.

– Английский.

Солнышкин в недоумении пожал плечами, а Пионерчиков сказал:

– Я так и з-знал, – и собрался уходить.

Но вдруг Солнышкин задумался. Ему кивнула листьями пальма, показалось лицо Морякова.

«А, гуд монинг!» – вспомнил он и крикнул вслед штурману:

– Гуд монинг!

Пионерчиков с любопытством повернул голову.

– С чего же мы начнём наш урок? – обратился к нему Солнышкин и сам удивился своему красноречию. – Пожалуй, мы поговорим с вами, как джентльмен с джентльменом. Не так ли? Начнём с правил морской вежливости. Послушайте, Пионерчиков, когда вы прекратите это мальчишество? То вы прыгаете за борт, то лааете. – Солнышкин в испуге попробовал остановиться, но слова продолжали вылетать сами: – Что с вами? Как же вы станете капитаном?

Солнышкин прихлопнул ладонью рот. Он выставил вперёд руку и хотел объяснить, что это не он – это какое-то недоразумение! Но победитель акулы тоже почему-то зажал рот, нагнулся, как будто хотел боднуть обидчика, и побежал по коридору.

Солнышкин сел на кровать. Он схватил подушку. И тут из-под неё выглянул угол маленького магнитофончика, который честно записал весь первый урок капитана Морякова.

– Вот чьи это штучки! – подскочил Солнышкин. Он натянул тельняшку и бросился искать Перчикова.

Мелкое недоразумение и крупная потасовка

Возмущённый Солнышкин босиком мчался вверх по трапам.

Волны вспыхивали, словно на них устроили праздничный танец миллионы солнечных мотыльков. Но Солнышкин этого не замечал.

– Мало было ему шуток! Теперь потешается над друзьями!

Чертыхаясь, он несколько раз стукнулся пальцами о ступеньки так, что по ногам брызнуло электричество, и выбежал к радиорубке. Но Перчикова там не было.

То и дело подпрыгивая, Солнышкин помчался на корму. Несмотря на утро, палуба так накалилась, что пятки дымились.

Он обежал всю палубу и наконец остановился и притих. Возле камбуза слышались весёлые голоса.

– Вот это блины! – хвастался Борщик. – Встанет команда – проглотит их вместе с коком!

– А вот сейчас, – слышался голос Перчикова, – сейчас Солнышкин проснётся англичанином.

Было слышно, как радист жевал блин.

– Как это? – спросил Бурун.

- Как?.. - Перчиков не договорил.

Солнышкин вылетел из-за угла и возмущённо выпалил:

- Подстроил и ещё хвастаешься?

- Ваша светлость, а почему не по-английски? - усмехнулся Перчиков.

- Это не по-товарищески! - крикнул Солнышкин, подпрыгивая то на одной, то на другой ноге. - Знаешь, что за такие вещи делают?

Бурун и Борщик удивлённо переглянулись. Перчиков едва не выронил надкушенный блин.

- Слушай, Солнышкин, иди выпись!

- И пойду! - Солнышкин сердито повернулся на пятках, но вдогон получил по затылку такую затрещину, что волчком завертелся и ткнулся носом в облупленный носик Перчикова. - Так ты ещё драться?! - В глазах Солнышкина вспыхнуло короткое замыкание.

- Да ты что, спятил? - откликнулся Перчиков.

Но и ему достался такой шлепок в ухо, что загудели и небо, и земля, и палуба.

Он схватил Солнышкина за руку. Но теперь на них обоих сыпались удар за ударом. Рядом, прикрыв лицо фартуком, вертелся Борщик, а Бурун на четвереньках влетел на камбуз, и оттуда торчали только его ноги. Кажется, на палубе начиналась такая потасовка, какой боцман ещё не видел.

- Да хватит вам, хватит! - кричал он.

А Солнышкин, уже забыв обо всём и не обращая внимания на удары, размахивал тельняшкой и хлопал ресницами. Вокруг с шелестом вспыхивали алые, фиолетовые, зеленоватые крылья. В воздухе переливалась радуга: это, горя? чешуёй, над палубой пролетали десятки настоящих летучих рыб. Они взмывали

из океана и, перелетев через борт, долго-долго пари?ли над синевой.

- Дождь, рыбный дождь! - опешил Солнышкин.

Перчиков потёр ухо, Бурун открыл глаза, а Борщик, растопыбив пальцы, бросился вперёд: «Лови! Держи!» - от него улетал великолепный завтрак для всей команды.

Рыбы за бортом продолжали летать, сверкать, трепыхаться. И только иногда на поверхности океана показывалась громадная серая туша. Там, гоняясь за косяком, веселился Землячок, который устроил для друзей маленькое тропическое представление.

Да, этого момента Солнышкин ждал с самого рождения! Он мечтал об этом, когда над Сибирью трещал мороз, а в маленькой печурке его бабушки пылали жаркие сосновые поленья.

Он листал страницу за страницей, а бабушка вязала и не видела, как в их комнатке возникают океан, акулы, настоящая палуба и вокруг порхают летучие рыбы!

Перчиков положил Солнышкину руку на плечо.

- А я думал, это ты меня съездил, - смущённо почесав затылок, сказал Солнышкин.

- За что? - спросил Перчиков.

- Не знаю, - опять рассердился Солнышкин, - но зато по твоей милости я наговорил только что Пионерчикову немало гадостей.

- Каких ещё гадостей? - удивился Перчиков.

- Тех самых, которые вдолбил мне в голову твой магнитофон!

- Ну, это ты поосторожней! - воскликнул Перчиков. Обижать такой замечательный аппарат он не мог позволить даже Солнышкину - Я могу при свидетелях доказать, что это клевета.

- Пожалуйста, - сказал Солнышкин.

- Пожалуйста! - крикнул Перчиков.

И вся компания отправилась к месту происшествия.

Едва с магнитофонной ленты прозвучало «гуд монинг», Перчиков победоносно взглянул на друзей. Но когда магнитофон повторил весь вчерашний разговор капитана со штурманом, Перчиков виновато оглянулся, сдвинул на лоб беретик и притих.

- А что, - спросил Борщик, - Пионерчиков и вправду лаял?

- Это его дело, - грустно ответил Перчиков. - А вот то, что мои затеи дважды за один вечер погорели, как у Борщика макароны, это точно.

Борщик заёрзал на месте, но промолчал. А радист выложил друзьям историю с сигналами внеземной цивилизации.

- Да, с магнитофоном, конечно, вышел цирковой номер! - заметил Бурун. Ему приятно было вспомнить о цирке. - А насчёт цивилизации ещё ничего не известно. Сегодня слушали радио? Летающие тарелки объявились.

- Где? - краснея, спросил Перчиков. Самолюбие радиста было задето. Он снова пропустил важное сообщение!

- А в Америке, - сказал боцман. - И в океане.

- Ерунда! - сказал Борщик. - Ерунда! Рыбы летают - это ещё можно понять. - И он потёр синяк под глазом. - А тарелки? Ерунда! Не видел!

Однако весь этот разговор был утром. А вечером произошла история, которая заставила кока Борщика в корне изменить свою точку зрения.

Летающие тарелки кока Борщика

Конечно, все помнят, как разжалованный артельщик, на удивление команде и самому себе, объявил голодовку. Он и представить не мог, к каким последствиям приведёт это необдуманное решение.

Пока же Стёпка старательно голодал. Ни утром, ни вечером он не появлялся в столовой. И никто не слышал, как весело похрустывали сухарики и сахар в его каюте и то и дело раздавалось восхищённое лопотание: «Тысяча рубинов, тысяча топазов, тысяча алмазов! Всех в рикши! Всех в бобики!»

Но на второй вечер, запустив руку под матрац, артельщик испуганно сбросил простыню и замер. Там лежала только жалкая, замусоленная горбушка.

Запасы иссякли, а впереди было ещё несколько дней пути.

И вдруг Стёпка хихикнул и сам себе подмигнул: «Плавали – знаем!»

Просчитавшийся артельщик решил предпринять небольшую, но рискованную вылазку. Он приоткрыл дверь, выглянул в притихший коридор и, озираясь, заковылял к камбузу...

Между тем, перебив посуду и осмотрев свои владения, не притаилась ли где случайная муха, кок Борщик улёгся на корме рядом с Перчиковым и Солнышкиным. Хотя стало свежо, он по камбузной привычке обмахивался полотенцем. Все вокруг были сыты, и заботливого кока беспокоил только Перчиков, который целый день не ел от огорчения. Было слышно, как у него попискивает в желудке.

– Может, принести котлету? – изредка спрашивал Борщик, поглядывая на радиста.

Но Перчиков движением указательного пальца отклонял все заботы кока.

За бортом весело бежали волны, и в лад им торопились мысли Перчикова. Вокруг вспыхивали тысячи светлячков, и в голове Перчикова, как светлячки, загорались новые удивительные идеи.

Солнышкин не чувствовал ни рук, ни ног. Целый день он красил с Буруном борт, и в его глазах плясали тысячи красок: зелёное море, голубое небо, жёлтые борта, и над всем этим парящие летучие рыбы. Рыбы и сейчас летели из темноты на свет, и, между прочим, у Солнышкина тоже начинала созревать одна небезынтересная мысль. Он собрался уже высказать её вслух, но Борщик снова заглянул в глаза Перчикову:

– А может, компоту с сухариками?

– Ну ладно, с сухариками давай, – согласился Перчиков, и добрый Борщик побежал на камбуз.

Он открыл дверь и остановился: среди ночной тишины коку послышалось, будто в углу раздался странный шорох. Борщик вздрогнул. За всю жизнь у него на камбузе не было не то что крыс, но и самого захудалого мышонка!

Но шорох повторился. И именно там, где у Борщика стоял мешок прекрасных тонких булочных сухарей. Кок гневно скомкал фартук и с размаху запустил им в угол. Шлёп! И фартук врезался в глаз артельщику, сунувшему руку в мешок с сухарями.

Артельщик схватил со стола что-то подвернувшееся под руку и метнул в дверь.

В ту же секунду мимо Борщика с резким свистом пролетел таинственный белый предмет.

Борщик оглянулся и чуть не сел от потрясения. К звёздам, едва не задев его по носу, удалялась тарелка!

Кок снова заглянул на камбуз, и тогда навстречу ему одна за другой вылетела целая дюжина тарелок.

– Одна, вторая, третья... – считал Борщик. Перепуганный насмерть артельщик бомбил своего преследователя.

– Тарелки! Тарелки! – закричал Борщик, хватаясь за голову. Он уже не слышал ни шороха, ни кряхтения артельщика, который с полной пазухой сухарей выкарабкался в боковую дверь и на четвереньках полз по трапу.

На палубе поднялся настоящий переполох. Все смотрели на горизонт. Там выкатывалось яркое созвездие Южного Креста, и к нему, посвистывая, уносились маленькие белые точки.

Перчиков бросился наверх, в штурманскую. Схватив бинокль, он направил его в сторону экватора. Сомнений не оставалось: три хорошо видимые тарелки пари?ли над океаном, уходя в сторону Южной Америки.

Нужно сказать, что в тот же вечер тарелки были замечены иностранными самолётами. Одна из них даже приземлилась на участке всеми уважаемого фермера, слегка задела его, и он видел, как из неё вышли два странных существа. Правда, чего не увидишь после того, как тебя треснет по лбу тарелкой! Но факт этот излагался в разных научных статьях. А точнее всего он записан в бухгалтерии океанского пароходства, где так и сказано: «За неоправданную пропажу дюжины столовых тарелок вычитать из зарплаты кока Борщика 8 рублей 70 копеек».

Это, конечно, мало кого интересовало, но именно с тех пор Борщик поверил в существование летающих тарелок.

Всего один поворот колеса

Если бы кое-кто из моряков Тихого океана заглянул в рулевую рубку парохода «Даёшь!», он бы, конечно, обрадовался и удивился: у штурвала стоял старый

инспектор океанского пароходства Мирон Иваныч, по прозвищу Робинзон. Но теперь в руках у него был настоящий штурвал.

В открытые иллюминаторы врвался настоящий океанский ветер, и под сияющими тропическими звёздами настоящие волны поднимали и опускали его судно.

– Вы слышали об этой истории? – возник в рубке Моряков.

– О какой?

– С тарелками.

– Любопытно, – ответил Робинзон.

– И что интересно, – заходил по палубе Моряков, – с камбуза пропало с полпуда сухарей. Рассказать кому-нибудь – не поверят. Ведь не прилетали же эти самые тарелочники к Борщику за сухарями? И почему вдруг пропали десять тарелок?

– Хм-хм!.. – почесал лысинку Робинзон. – С сухарями, конечно, немного странно. И всё-таки это приятно.

– Что? – Моряков был поражён. – Что пропали сухари? Что улетели тарелки?

– Приятно, – пожал плечами Мирон Иваныч, – что есть ещё на земле чудеса! – Старик не мог прожить без чудес. На каждом шагу ему хотелось бы видеть чудо. И он размечтался, как, бывало, в своём домике на сопке, когда он думал о дальних плаваниях и поворачивал свой старый штурвал в Африку, в Австралию... Лево руля, право руля! Он так крутанул штурвал, что судно со свистом описало дугу вокруг своего собственного носа. Моряков отлетел в сторону. Робинзон удержался, но отчаянно смутился.

Он даже не представлял, что без этого поворота колеса на палубе «Даёшь!» не случилось бы нескольких занимательных историй.

Дело в том, что в это самое время толстый артельщик улепётывал по трапу к себе в каюту. Сухари покалывали бока. Он уже миновал тёмный коридор, когда

неожиданный толчок швырнул его обратно, прямо под ноги доктору Челкашкину, который вышел из лазарета.

- Что с вами? - наклонился к нему доктор.

- Хе-хе... Немножко закружилась голова... Видимо, от голода, - промямлил артельщик и схватился за живот: как бы не вывалились сухари.

Челкашкин посмотрел на него и пожал плечами:

- Послушайте, милый, да вы опухли! Чёрт бы побрал вашу дурацкую голодовку!

- Опух, опух, - кивнул артельщик, поддерживая руками майку, чтобы не похудеть у доктора на глазах.

- И признаки слабоумия, - заметил доктор, заглянув ему в глаза. - Немедленно в лазарет! Рыбку надо есть, рыбку. Побольше фосфора для мозга. А сейчас - ждать меня.

Как только доктор взбежал по трапу, артельщик со всех ног бросился в каюту и, отшвырнув матрац, вывалил свои хрустящие трофеи. Едва он успел их прикрыть, к нему вошли Челкашкин, Петькин и Федькин и, подхватив под руки, потащили в лазарет.

«Ташите, ташите! - усмехнулся артельщик. - До Жюлькипура полежу без работы, пожую котлетки и пончики, попью компот. А там посмотрим, кто останется в дураках».

Крылья парохода «Даёшь!»

За каких-нибудь полчаса «Даёшь!» вонзился в густую тропическую ночь. Стало так темно, что люди налетали лбами на мачту или друг на друга. Поэтому на палубе то и дело возникали короткие яркие вспышки и раздавалось: «А-а! Чёрт возьми! Извините!», «Простите, пожалуйста!»

И слышался шелест от потирания ушибленных мест.

Но белый колпак Борщика хорошо виднелся у камбуза, и на его свет пробирался Челкашкин с очень важным делом. Кок всё смотрел на небо, где высоко среди звёзд мерцали прозрачные облака...

- Не видно? - спрашивал Солнышкин, который сидел рядом.

«Нет», - хотел сказать Борщик, но его остановил голос вынырнувшего из темноты Челкашкина.

- Скажите, Борщик, вы знаете, что человеку необходим фосфор?

- Зачем? - спросил кок, обмахиваясь полотенцем. Несмотря на темноту, жара была африканская.

- Чтобы лучше работал мозг, - вмешался Солнышкин.

- А я на свой не в обиде, - обиженно сказал Борщик, поправив колпак.

- Но кое у кого, к сожалению, фосфора не хватает, - побарабанил пальцем по голове Челкашкин. - И было бы вообще неплохо, если бы по утрам мы ели свежую рыбку! Постараетесь?

В другой раз кок просто бы швырнул полотенце о палубу, однако Челкашкин просил очень вежливо.

Но где взять ночью рыбу, не знал даже бывалый Борщик.

Солнышкин только и ждал этого момента. С самого вечера из-за шума с летающими тарелками он не мог высказать сверлившую его мысль. Над парходом проносились целые косяки рыб. Нужно только оставить их на палубе!

- Но как? - спросил удивлённый кок.

- Плавали - знаем! - сказал Солнышкин. - Только бы раздобыть леску и крючки!

И, переглянувшись, Борщик и Солнышкин отправились к Петь кину.

Через полчаса, после азартной торговли с известным рыболовом, они уже снова были на корме и под храп команды ряд за рядом натягивали между мачтой и камбузом увешанную крючками леску.

От ветерка леска гудела, как струна, и, словно в предчувствии замечательного улова, напевала рыбацкую песню.

Проверив, крепко ли завязаны узелки, Солнышкин добрался до двери камбуза и улёгся рядом с Борщиком. Он был доволен своей выдумкой и уснул, угадывая уже запах свежей рыбы. Но того, что случится, Солнышкин, конечно, не мог предугадать.

Часам к пяти утра Моряков поднялся в рубку. Солнце уже проснулось и, пригладив макушку, вежливо кивнуло знакомому пароходу. Слегка потянулся и вздохнул океан. Навстречу солнцу пролетело стадо дельфинов, взметнулись вверх летучие рыбки. И тут Моряков почувствовал, что «Даёшь!» тоже рванулся вверх. Капитану почудилось, что от волны до волны пароход промчался по воздуху. Стоявший у штурвала Федькин поскользнулся и пари?л в невесомости. Штурман Пионерчиков, выглянувший в иллюминатор, чудом удержался.

- А вам не кажется, что мы летим?! - крикнул Моряков, хватаясь за воздух.

Пионерчиков бросился на палубу. На его вахте с судном происходили вещи невероятные! Выбежав к шлюпкам, он собирался подать сигнал тревоги и вдруг застыл на краю шлюппалубы.

Под ним, от камбуза до мачты, на крючках махали крыльями сотни летучих рыб. При каждом взмахе этой «упряжки» судно приподнималось и, почти не касаясь воды, проносилось над розовым туманом.

- Не может быть! - не поверил Пионерчиков.

Но рыбы так ринулись вверх, что пароход опять подпрыгнул, и юный штурман потерял равновесие.

В этот момент разбуженный толчком Борщик открыл глаза и, слегка заикаясь, стал будить Солнышкина. Над кормой пари?ли тысячи рыб, а среди них, на крючках, висел Пионерчиков. Штурман размахивал руками, будто дирижировал этим летучим ансамблем.

У камбуза мгновенно собралась толпа. Борщик и Солнышкин бросились на помощь. Но Пионерчиков остановил их лёгким движением руки.

Конечно, сначала штурман рассердился и был бы не прочь поскорее освободиться от крючков. Но вокруг собралось так много народа, а шелест крыльев так напоминал аплодисменты, что Пионерчиков почувствовал, как к нему приходит настоящее вдохновение. От этого полёта рождались такие слова, которые хотелось сказать всем. Он торжественно простёр над толпой руки, но рыбы так рванулись вперёд и так ударили крыльями, что юный штурман, не успев произнести ни звука, выскочил из своего френча прямо в объятия Борщику и Солнышкину.

Они опустили его на палубу и хотели расспросить, как он попал в такое положение, но Пионерчиков, забыв обо всём, помчался к себе в каюту записывать речь. Прекрасные слова не должны пропасть: когда-нибудь они ещё пригодятся!

Усталые перелётные птицы

Целый час Солнышкин испытывал угрызения совести из-за этого происшествия. Но скоро аппетитное похрустывание (вся команда жевала румяную поджаренную рыбку) настроило его на жизнерадостный лад. Тем более что по судовому радио сам Перчиков от имени всего коллектива объявил своему другу

и коку Борщику благодарность. Челкашкин хотел выразить благодарность отдельно, но, конечно, не потому, что ему достались особенно хрустящие хвостики.

И только Пионерчиков категорически отказался от прекрасного блюда. Его порция немедленно была отправлена в лазарет – тому, кто особенно нуждался в фосфоре.

Что же касается самого изобретения, то Моряков не находил слов для похвалы:

– Послушайте, Солнышкин, ведь это же просто гениально!

«Даёшь!» летел вперёд на сверкающих крыльях. Над ним мчались облака. Из трубы струился дымок, и рыбы одновременно коптились, поворачиваясь то одним, то другим боком. Но едва Борщик снимал их, как на крючках повисали десятки новых и с новой силой тянули пароход вперёд. От парохода бежали белые чистенькие барашки, а навстречу ему уже неслись волнующие запахи тропических земель. И если «Даёшь!» слегка покачивался, то только от волнения. Судно приближалось к Жюлькипуру Солнышкин натирал палубу так, что по ней разлетались солнечные зайчики. Время от времени он доставал из кармана кусок сахара и подходил к борту. Там среди волн фыркал Землячок, который прилежно делал стойку, ожидая угощения. Глядя на это, боцман, который поливал палубу из шланга, вздыхал:

– Вот бы сейчас медведиков...

Рядом с боцманом, закатав рукава, бодро налегал на швабру Робинзон. Старик не любил сидеть без дела. А к морской работе он, как известно, привык у себя дома, потому что никому не доверял драить палубу своей каюты. Он был в трусиках, и лысинку его прикрывала старая мичманка. Иногда инспектор отставлял швабру в сторону и, взяв с трюма свою трубу, задумчиво осматривал горизонт, словно что-то искал. Но океан был безупречно чист, и Робинзон, качнув головой, снова брался за работу.

Неожиданно Солнышкин заметил, как на доске, которую он только что надраил до желтизны, возникла какая-то клякса. Он сердито потёр её шваброй, но клякса... отползла в сторону, а за ней по палубе потянулись другие – широкие, быстрые, чёрные. Над мачтами грохнул гром. Солнышкин поднял голову, и прямо

на него выплеснулся быстрый тропический ливень. Солнышкин втянул голову и бросился под навес, но ливень кончился. Солнышкин взялся за швабру – ливень ударил ещё сильнее.

По небу бежали тысячи туч, из каждой лил свой ливень. Над океаном повисли тысячи голубых прозрачных ливней, и «Даёшь!» весело проходил сквозь них.

Солнышкин приоткрыл рот. Бурун стал сворачивать шланг. А старый Робинзон подставил под дождь ладони и смотрел, как по ним барабанят капли настоящего тропического дождя.

Дождь стал плотнее. Тучи сомкнулись. Наступила темнота. Ударил молния.

– Под навес! – крикнул Бурун.

Но Робинзон поглядел на край неба и сказал:

– Смотрите, смотрите!

Под тучами появилось какое-то серое облачко.

– Летучие рыбы, – сказал Солнышкин, – догоняют Борщика.

Робинзон, взяв трубу, покачал головой:

– Нет, нас догоняют птицы. Усталые перелётные птицы. Слышите, как они кричат?

Издали действительно долетало еле различимое курлыканье.

Солнышкин ладонью прикрыл глаза от дождя. Робинзон был прав: вдалеке медленно летела стая. Она то взмывала вверх, то словно проваливалась в воду.

Над ней вспыхивали молнии.

- Ей негде отдохнуть, и она не может нас догнать. Она нас не догонит... -
вздыхнул Робинзон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/korzhihov_vitaliy/solnyshkin-plyvet-v-antarktidu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)